

УДК 94(470.31+56) «1921/1922»

**«В ДУШЕ СПЛОШНАЯ БОЛЬ – РАНА»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ Г. БУЗУЛУКА
САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921-1922 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ
МЕСТНОЙ ЖИТЕЛЬНИЦЫ**

© 2021 Ю.Ю. Аншакова¹, М.С. Кирдяшев²

¹ Самарский федеральный исследовательский центр РАН

² Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Статья поступила в редакцию 06.02.2021

В данной публикации приводится отрывок из воспоминаний жительницы г. Бузулука Самарской губернии Е.А. Жемчужниковой, посвященный одной из самых трагических страниц в истории края – голоду 1921-1922 гг. В мемуарах отражены детали повседневной жизни горожан во время голода, автор описывает, с чем пришлось столкнуться, что преодолевать и что помогало выживать в то тяжелое время.

Ключевые слова: Самарская губерния, Бузулук, голод 1921-1922 гг., мемуары, Е.А. Жемчужникова.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-82-00

Бузулукский уезд Самарской губернии был одним из наиболее пострадавших от голода начала 1920-х гг. не только в Самарской губернии, но и во всей России. Неурожайным в губернии и уезде был уже 1920 г., остро ощущалась нехватка продовольствия, люди надеялись на урожай 1921 г., но этим надеждам не суждено было сбыться. В Бузулукском уезде урожай составил в среднем 1,5 пуда на человека – это считалось нормой потребления для одного человека на один месяц; в целом ряде волостей уезда урожай составил менее пуда на человека¹. К тому же из-за засухи урожай собрали рано, и уже к осени от него практически ничего не осталось, а голод в губернии и уезде принял массовый характер. Количество голодающих неуклонно росло: так, по официальной статистике, в августе 1921 г. в уезде голодало 77655 детей, в сентябре в 2 раза больше – 144950, а в декабре – 240031². В 1921 г.,

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории и археологии.

E-mail: anshakova@yandex.ru

Кирдяшев Максим Сергеевич, магистрант кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения. E-mail: kirdyashevms@mgpu.ru

по данным переписи, в уезде проживало 636662 человека, уже к январю 1922 г. умерло от голода 50 тысяч человек³, и дальше ситуация только ухудшалась⁴.

Нехватка или полное отсутствие продовольствия и предметов первой необходимости, начиная с одежды, эпидемии, паника и потоки беженцев, беспризорничество, антисанитария на улицах, криминал и черный рынок, отчаяние, сменяющееся апатией, людоедство и трупоедство – таковы были обстоятельства, в которых старались выжить – используя разные стратегии выживания – сотни тысяч жителей губернии, и которые описаны в воспоминаниях жительницы г. Бузулука Е.А. Жемчужниковой.

Елизавета Александровна Жемчужникова (1887-1971) родилась в селе Гавриловке (сейчас Алексеевский район Самарской области). Она окончила Самарское женское училище и поступила в Первую женскую гимназию, но спустя несколько месяцев в связи со смертью отца была вынуждена оставить учебу и идти работать. С января 1905 г. Елизавета Александровна работала учительницей в школах Бузулукского уезда и города Бузулука. В 1914 г. она уехала

учиться в Москву, в июне 1916 г. получила звание учительницы русского языка высших начальных училищ, а с сентября 1916 г. работала в мужской гимназии г. Бузулука, которая в 1919 г. была преобразована в школу имени III Интернационала, с 1921 г. являлась в ней завучем, а в 1922-м стала ее директором⁵. Вся дальнейшая жизнь Елизаветы Александровны связана с педагогической деятельностью и с городом Бузулуком.

В конце 1960-х гг. Е.А. Жемчужникова написала довольно подробные мемуары, их рукопись хранится в Бузулукском филиале Государственного архива Оренбургской области. Воспоминания охватывают значительный промежуток времени, в них повествуется о важных и для все страны, и для Бузулукской земли событиях – революции 1905 г., голоде 1911 г., годах I Мировой и многом другом, и на их фоне люди на страницах мемуаров живут своей повседневной жизнью, учатся, работают, решают текущие проблемы. Часть воспоминаний Е.А. Жемчужниковой, охватывающая события с начала XX в. и до 1917 г., была опубликована в 2013 г.⁶ Здесь приводится фрагмент, охватывающий период голода начала 1920-х гг. и повествующий о сложной жизни Бузулука в это трагическое время⁷.

1921 год в воспоминаниях Е.А. Жемчужниковой⁸

1921 год, черный год, необычный в истории русской революции вообще, являясь продолжением и следствием предыдущих, существенно отличался от них углублением нужды, тревог, переживаний, болезней, гибелью детей и людей, хотя войны заканчивались.

Голодный год: хлеба нет, продуктов питания нет, чем и как жить?

В предыдущие годы сказывался недостаток питания, хлеб пришлось отдать Армии, чтобы укрепить революцию и государство нового типа.

Земли оставались незасеянными, а посеянное не собирали, ниже среднего урожай в 1919 г., почти полный неурожай в 20 году, старый хлеб съели и отдали, новый не получили – положение безвыходное.

Если в предыдущие годы было плохо со снабжением, с питанием, в 1921 г. голод начался с самого лета, когда обозначился неурожай. Пока было тепло, еще кое-как перебивались, с холодами начали умирать.

Население не раз переживало голод, достаточно напомнить ряд лет: 1881, 1886, 1891, 1907, 1911 и другие, но тогда одни голодали, другие, хотя и незначительный процент своей сытости уделяли неимущим, как-то помогали, была общественная помощь, теперь помогать некому – сытых не было. Государство заботилось, но отыскать пути помощи нелегко, и массы о том не знали, пока не чувствовали заботы о себе, считали, что помощи ждать неоткуда, отсюда и появился кулацкий лозунг:

«Спасайся кто может!»

А кто не может? – Ясно... Не обнадеживали, настроение не поднимали.

Местные ответственные работники заняты были государственными, общественными партийными делами, укреплением Армии. Если бы решили помочь, не смогли, хлеба и продуктов не имели.

Вот о том, как достигли победы революции, через какие трудности и беды прошли, и хочется рассказать – напомнить, сколько людей погибло, сколько пережито, какой ценой оплачено развитие и углубление революции.

<...>

В 1919-1920 гг. товарного хлеба в уезде не было, ели сами, остальное доставляли по продразверстке.

Пока не было лесозаготовок, на рынке торговали мясом, сравнительно оно было не очень дорого, если бы были необеспеченные настоящие дензнаки, вполне можно питаться им, а деньги не ценили, чаще меняли на вещи, но так или иначе покупали, питались, мясо – большое подспорье. Больше всего продавали баранины, начали покупать конину.

Объявили лесозаготовки, продажу мяса запретили, стали торговать им из-под полы, «познатé» [по знакомству]. Забивали скот по ночам в каждом селе, в каждой

деревне. Стон стоял: овцы блеяли, коровы, быки – бычки ревели, куры кудахтали – раздавались прочие предсмертные стоны – жалобы животных и птиц. Покупка мяса втихаря стоила дороже, сопряжена с риском продавца и покупателя. Приносили мясо по ночам, или ходили по названному адресу. Покупали без веса, «на веру», конечно, с обманом. Все чаще и чаще мясо исключалось из питания.

Молоком не торговали, из сел не приносили, боялись обнаружения лишней головы скота и реквизиции продукта в д/дома [детдома] и больницы, что случалось. Оцепят комсомольцы рынок, принесут бидоны, ведра и начнут сливать. Пусть так, против того не возражали, но были случаи, когда некоторые молочные струи попадали не по назначению, за работу распорядителям и действующим лицам, что решительно всех возмущало.

Поголовье скота в городе значительно сократилось, молоко продавали мало и редко, сами хозяева кормились, излишков не имели, да откуда они могли быть, скот кормить нечем, питали коров плохо.

Если и случалось покупать, то кислое, снятое-переснятое молоко, вернее, простоквашу, за которую денег было жаль.

Голод – это он порождал нужду и плутни. Недаром в то время появилась пословица:

«Что криванешь, то и поживешь».

В селах родились кое-какие овощи, в продаже их почти не было, изредка привезут тыквы, их моментально расхватят.

Все грызли семечки, говорили, что они в какой-то степени утоляют голод, вызывая жажду:

– Напешься, вроде сыт, и в животе полно.

Город покрыт лузгой семечек: улицы, тротуары, крылечки – всюду лузга, город утопает в ней. Осенью додумались, стали ее подметать, собирать, она годилась на топливо, быстро очистили, не бывать бы счастьем, несчастье помогло, стало чище, даже на базаре.

Собирали желуди, сушили, толкли, пекли лепешки, прибавляя лебеды.

Обдирали кору берез, варили жвачки, жевали их, скоро бросили, поняли, эта процедура, усиливая работу слюнных желез, повышает аппетит.

Собирали лебеду, таскали ее мешками, мяту, щавель, другие не ядовитые травы, сушили, толкли, пекли лепешки.

Собирали по берегам ракушки, сушили, толкли и прибавляли в пресное травяное тесто.

Туда же прибавляли запаренную и хорошо размятую мякину – до чего только не додумывались!

Рвали вороняшку⁹, если и сушили ее. Клубнику глушили зеленую, тоже – вишню, барыню¹⁰, малину – зреть ничему не давали. Черемуху ели зеленую, с незрелыми ядрышками, отчего болели, включительно до смертных случаев, от нее получали заворот кишок, пострадали малолетние и подростки.

Забота у всех одна, сохранить детей, не дать им умереть с голоду, досадно и самим погибнуть от него...

Еще в 1920 г. начали уезжать в одиночку и выезжать совсем, целыми семьями, в Азию. В 1921 г. индивидуально выезжали немногие, чаще группами, сообщая, от лица организаций и учреждений, которые выбирали двух-трех уполномоченных, снабжали их средствами и вещами, документами, обращениями и просили помощи, получалось нечто вроде экспедиций. Таким образом поехали доверенные от торговых работников, учителей, врачей, строителей и т.д. Поняли, индивидуально ехать рискованно, дорога дальняя, удобствами не обеспеченная, все может случиться. Привозили зерно, рис, делили согласно внесенным средствам.

Случалось, оставались там, выписывали семьи, которые и уезжали к новому месту жительства.

Легче было железнодорожникам, они привозили продукты не только себе, но и на продажу. Кто ехал с чеканчиками-монетами, быстро закупали зерно, с вещами оказалось труднее, не все брали, приходилось время терять, ожидать обмена, с день-

гами еще туже, они чем далее, тем более обесценивались.

Поездки начались осенью, зимой продолжались и увеличивались количественно. Когда же обозначился полнейший неурожай 21 года, начался массовый отъезд, уезжали многие-многие как из города, так и из сел. Тут уже не разбирали, кому и как уехать, лишь бы уехать – панически бежали от голода. При посадке драмы: то муж посадит семью, сам не успеет сесть, то часть семьи уедет, часть не сумеет попасть в поезд, то сами родители уедут, детей бросят, а то детей сунут в вагон, сами не смогут уехать – всяко бывало. Поезд уйдет, а на платформе плач, стон, рыдания, истерики, проклятия, матерщина и... полное равнодушие окружающих, истерзанных мукой ожидания, неизвестности и гибели.

Пытались сдерживать, требовали разрешения на выезд, кто получал, а кто так уезжал, за взятку. Как могли получить разрешение те, что уезжали с промежуточных станций?хлопотать о разрешении, значит, не уехать, а есть нечего, надо скорее, спешить, чтобы живыми остаться.

Что творилось на станции, на железной дороге вообще – вообразить, представить трудно! всюду люди: в помещении, на платформе, на прилегающих площадях и аллеях – все заселено отъезжающими. Проходы узкие, того и гляди на кого наступить, иногда приходится перешагнуть через узел, баул, а то и спящего ребенка. Мужчины движутся, хлопочут, беседуют, женщины с детьми сидят, дети пищат, орут на разные лады и голоса, просят есть, бегают мало – обессилены, но дети – это дети, подглядывают, не ест ли кто, просят, воруют, от матерей уходят, их ищут и не ищут, не до них, пристроятся где, другие останутся.

Где сидят, там и ходят, всюду запах мочи, кала, у заборов и стен испражнения, подсохшие и свежие, посыпаны известкой, где нет – невероятная вонь, сплошная туалетная.

Воду берут из водопровода, тут же моют ноги, подмываются, подмывают ребят, полощат пеленки и тряпки – около водопровода сыро и грязно.

Идут поезда, на крышах полно не только мужчин, как во время войны, но и женщин, около них баулы, узлы, перины, одеяла, подушки – дача!

Классных вагонов было очень мало, ездили в теплушках с нижними, верхними нарами и «поднебесьем», самыми верхним, где можно было только лежать. Все было полным-полно набито. Были и товарные, в них не было нар, они вмещали малое количество. Придет поезд на станцию, начинается свалка, драка, невероятная ругань, одни не пускают в вагон, да и пустить нельзя, полно до отказа, другие напирают, лезут. И все-таки ухитрялись, уезжали, теряли друг друга в пути, умирали, но уезжали.

Взяточничество невероятное, за хлеб, ценные вещи можно было войти в соглашение с железнодорожниками, что и делали, с большим трудом уезжали.

С каждого поезда снимали больных и умерших, вагоны не отцепляли, не проветривали, не дезинфицировали, сдадут «неположенный груз» и продолжат путь, будто ничего не случилось.

Далеко не все возвращались, умирали дорогой. Скончалась девушка Гиндельбрант, сняли ее в Гамалеевке¹¹, немного не доехала до дома, до родных. Умер в дороге чиновник бывшего военного ведомства, да многие, всех не перечтешь, мешки их и вещи сдавали родным, умирая, они дарили жизнь другим.

Не все вещи шли на азиатских рынках в оборот, случалось, привозили их домой.

Учительница повезла плетеный постельный гарнитур изящной работы, на который покупателя не нашлось, хотя вещи были ценные и изящные.

Фельдшерица поехала в демисезонном пальто, поношенном, еще хорошем, дали за него цену – продали, приехала в старом грязном узбекском халате.

С обменом вещей вообще было много приключений и всяких неожиданностей.

Поездки в Азию продолжались.

Сестра провожала дочек в Семипалатинск¹². Разрешение на выезд получили с

тем, чтобы старшая, перешедшая на 4-й курс медфака, продолжила обучение в Томске. Разрешение есть, собрались, а как проводить, тем более, на Кинеле¹⁵ пересадка? Что делать? Как быть? Указали нам человека, Барченко, жулика, заведомого уже судимого, вора. Боялись, долго не решались, но делать нечего надо решать, кормить их нечем. Встретились, договорились, решил помочь, но за услуги запросил золото – а где его взять? Монет не было. Сам подсказал, можно колечки дать, браслет, серьги, кулон – лишь бы металл.

– Хорошо, – говорю ему, – а тому, как платить, кто сажать будет?

– Я беру, я и сажаю, остальное дело не ваше.

– Им пересадка на Кинеле, где их могут задержать, и ваши проводы окажутся недействительными.

– Заплатите хорошо, увезу сам их в Самару, где и устрою на сибирский поезд, на Кинеле не обещаю, в Самаре все сделаю в аккурате.

Подумали, подумали, решили отдать Барченко¹⁴ ценный массивный золотой браслет, который обрекли старшей дочке на продолжение образования. Пошла к золотых дел мастеру Мише Филимонову, попросить оценить вещь. Он дорого оценил его и предложил снять брелоки, они замечательной ювелирной работы, а сам браслет простой работы. Снял брелоки, он стал легче, в таком виде и отдали его.

Так что бы вы думали, купил билеты, посадил в классный вагон, в Самаре посадил их при мне в сибирский поезд тоже в классный, посадил и меня, купив мне горбушку приличного хлеба. Доехали наши девочки благополучно, возвратилась и я домой без приключений.

Вспоминать минувшее сейчас нельзя без волнения... прошло много лет, а пережитое волнует, иногда до озноба и слез. Как мы тогда жили – передать трудно, ночи не спали, болели, худели, ссыхались не только от голода, но и от переживаний. В душе сплошная боль – рана, кругом страдание, заколдо-

ванный круг страданий, как же можно не страдать! Страдали и чужим страданиям сочувствовали, равнодушие было кажущимся, у людей просто сил не было сострадать ближним, сами страдали. Жили и пережили, иногда завидуя умершим – отмучились они.

Тяжелое было время.

В предыдущие годы на толчке покупатели и продавцы действовали местные, свои, примелькавшиеся. В 1921 г. базар наводняли приезжие, товары были разнообразны, откуда-то завезенные, продавали всё и вся. И чего только не было там! Недаром некоторые говорили, что толчок напоминает беспорядочную хаотическую выставку. Костюмы многообразных фасонов: старинные истлевшие, с короткими рукавами, салопы, ротонды¹⁵, шубы с ценными воротниками и на дорогих редкостных мехах; отдельные части костюмов: воротники, меховые манжеты, муфты, шляпы со страусовыми и им подобными перьями, горжеты; белье дамское, детское, чулки, трикотаж, костюмы мужские: кафтаны допотопные, поддевки, сюртуки, фраки, тройки, тулупы, рясы, брюки различных покроев, штаны, шаровары, рубашки дневные и ночные, воротники с манжетами, разрозненные и т.д. и т.п. Обувь различных видов и фасонов, но ценились и шли в продажу боты, валенки и галоши. Посуда разных сортов и видов, чайная и столовая, штучная и сервизы, появился даже унитаз с дворцовой печатью. И чего только не было на толчке! Одни продавали ворованное, другие спекулировали скупленным, в одних местах скупали, в других продавали – все было. Жуликов везде полно, обирали различными способами, то предложат в какой-нибудь форме помощь: поднести, поддержать, деньги разменять, одни помогали, другие в это время тащили и кричали:

– Держи вора!

А сами его скрывали, давали возможность уйти, и как только инцидент заканчивался, бесследно исчезали.

Про вокзал и поезда и говорить нечего – нагло воровали среди белого дня.

Не было спасения на дворах и домах

– всюду воровали, иногда с убийствами и тяжелыми ранениями. Имели свою организацию «Черную кошку» с разветвлением на местах. Награбленное увозили, а сюда откуда-то привозили, но увозили больше в благополучные места, привозили меньше, лишь для вида, так как покупали немногие, самое необходимое и подешевле для перешивки, чтобы нищету прикрыть. Скупали вещи за бесценок, а увозя продавали с большой надбавкой, наживали деньги, дома, богатели.

Осенью 1921 г. парикмахер г. Поляков по Оренбургской улице продал хороший деревянный большой дом за 1 п[уд] муки, считали – неплохо, многие бросали уезжая, забивали окна, двери и бросали родные места, продавать было некому... Учитель городского училища г. Мельников продал на Уральской улице дом за 2 п[уда] муки, чтобы выехать со своей большой семьей в Азию.

Родители бросали детей, уезжали сами, не имея возможности их прокормить даже во время пути. Иногда оставляли в вестибюле исполкома, в учреждениях, в церкви, просто на улице, кто где сумел. Сами ехали на гибель, детей хотели спасти, рассуждая, что о них позаботится государство. Их собирали и направляли в приемник.

Два приемника не успевали разгружать, дети прибывали ежедневно в солидном количестве. Открывали новые д/дома, дополняли имевшиеся, в которых освобождались места умерших.

Распорядились заболевших отправлять в больницы, но там мест не было, выделяли для больных отдельные комнаты в самих д/домах, изоляторы, но это была одна видимость, ощущались везде скученность, в том числе в этих изоляторах, больные лежали в тесноте, прижатые друг к другу. Специальных людей по уходу за больными не было, не знали, кто чем болен и насколько опасно. Медикаментов никаких! Помочь и облегчить больных нечем. Дети умирали так же, как и в предыдущем году, но и по количеству их больше.

Кошмар!..

Объявили набор желающих по уходу за больными, но ухаживать приходилось мало, чаще принимать последние их вздохи и выносить из изолятора.

Кормили неважно, хлеб из овсянки, не пропекался, тяглый, сырой, даже не черствел, суп жидкий, чай или что-то вроде него, без сахара, мутный. Здоровые кое-как осваивали меню, больные не имели аппетита.

Молока и в помине не было, его за деньги на рынке трудно купить.

Очень надоедали вши. Пока было тепло, спасало купанье и помывка белья на реке. Мыла не было, варили свое, но оно не мылилось, только раскисало в воде. Ближе к осени вшивость заедала людей, мешала жить и работать. Выжить в таких условиях трудно – однако выжили, выросли.

Летом город притих, ни песен, ни развлечений, кто уехал, кто работал, кто собирался в отъезд, кто тем или иным путем промышлял питание.

В начале лета больницы несколько освободились, но в июне, с началом жаров, вновь начались эпидемии: дизентерия, реже холера, малярия.

Чем ближе к осени, тем опустошеннее выглядел город, народа меньше везде, кроме рынка, в каждом квартале забитые дома, брошенные на произвол судьбы, особенно на окраинах. Ни кошек, ни собак – всех съели, которые от голода сдохли. Почти переловили голубей, не трогали других птиц, не только мясо их, но и бульон оказывался несъедобным, горьким.

На улицах беспорядок, сор, лузга, экскременты, то, что оставляли животные, собирали, сушили и сжигали вместо кизяков.

На заборах, воротах матерщина, чаще большими буквами слово из трех букв... Так люди глушили свои страдания, проклиная жизненные неудачи.

В селах было еще хуже, чем в городе, выехавшие бросили все, что нельзя было забрать, дома забили. Оставшиеся ходили, едва бродили от голода, как тени. С начала холодов избы топили за неимением топли-

ва по очереди, где и собирались на ночь. В Савельевке заняли брошенный большой пятиястистенник, заселили его тесно-тесно, топили по очереди, жили сообща.

Спичек не было, огонь хранили в углях в печах и на шестках, если они глохли, бегали по соседям, искали, у кого можно разжечь, приносили из других домов, иногда с дальней улицы.

В городе пользовались зажигалками, покупали их на толчке. Иногда удавалось купить самодельные спички, но они быстро сырели и плохо зажигались, предпочитали им зажигалки, которыми зря не пользовались, берегли, чтобы хватило на длительное время.

От голода умирали, готовились к смерти, надевали чистое белье, и тут же иногда после прощания ругались и ссорились. Не обходилось дело без курьезов, рассказней ходило много, даже в тяжелое время юмор не покидал людей.

Один старик не ел 14 дней, ослаб, попросил чистое белье, простился, лег на лавку, пролежал день и ночь, за это время сноха и внучка умерли. Соседи хватились, не видно никого, пришли – обнаружили двух покойников, нашли их на холодной печке под одеялом и тулупом, скончались без приготовления, а старик еще дышал, хотя был уже без сознания и в скорченном виде от холода, вскоре и он скончался, собирался и, оказалось, пережил своих родных.

В селах оставшиеся пока в живых орудовали священники, монашки, призывали молиться, умирать во Христе и шепотом высказывались против партии и советской власти. За ними следовали не все, умирали без покаяния, с проклятиями, озлоблением и руганью.

<...>

Осенью приехал в Бузулук московский протоиерей Александр Введенский¹⁶, разъездной синодальный лектор, высокий, стройный, красивый, с правильными чертами лица классического профиля, с красивыми руками и отделанными ногтями, коротко подстриженными волнистыми волосами.

Одет прекрасно, во все дорогое и отлично сшитое, с золотым наперсным крестом, какими-то медалями, с белоснежным крахмальным воротничком и такими же манжетами, обаятельный по виду, артист – да и только! Не то, что какой-нибудь наш задрипаный сельский попик – не родня ему.

Организовали диспут в театре, народу привалило много, места заняты, проходы, музыкальные углубления, буфет, гардеробная – тоже все полным-полно, а на улице громадная толпа не проникших в здание.

Многих интересовало, кто победит: верующие или безбожники? Пришли слушать битву, столкновение идей, мысли, убеждений, чтобы самим решить, кто прав. Определить свое место.

Потустороннее, духовно-душевное, что можно идеализировать, у о. Введенского отсутствовало, земной человек, представитель изжитой у нас царственно-самодержавной буржуазной политики.

Говорил проповедь, поучал, как жить по священному писанию, о политике ни слова, но выступление истинно политическое в защиту церкви против нападок безбожников, против притеснения, против снижения ее общественно-исторического значения. О помощи голодающим ни слова, будто все благополучно, все сыты.

Внешний вид его произвел на присутствующих невыгодное впечатление, которое потом усилилось от его изящной речи, пересыпанной не только библейскими-евангельскими изречениями, но и мифологическими греко-латинскими и современными литературными. Выступал живым словом, без бумажки, сопровождал речь мимикой, красивыми движениями, действительно артист – ничего больше не скажешь¹⁷.

Выступавших было много, молчали лишь священнослужители. <...>

Почти в самом конце вышла женщина, сказала мало, но убедительно:

– Сытый голодного не разумеет, к чему это собрание? Надо говорить не о вере, и как верить, а как людей от голода спасти.

Приехал нарядный батюшка из Москвы, за-чем? У нас свои попы в излишке – чтобы поговорить, напрасно время тратил, здесь не до разговоров, когда детишки и взрослые мрут. Это собрание не поддержка, а пустая забава сытых людей. Если бы бог был, он такого несчастья не допустил, верить, не верить, как верить, если хлеба нет, есть нечего, все равно помрешь.

Болтать вам, Батюшка, не переболтать, говорить, не переговорить, в другие места не езжай, людей на грех не наводи, вертайся поскорее домой.

Заключительное слово лектор говорил неуверенно, отповедь последнего выступления произвела на него впечатление.

Осенью смертность увеличилась, умирали дома, если были близкие, которые в состоянии выполнить последний долг, хоронили сами, отвозили, иногда даже на тележках, зимой – на салазках, не могли – заявляли, наняты были ломовые, они собирали умерших, отвозили. Хоронили без гробов, кто мог, завертывали в полотно, простыни, салфетки.

Умирали на улицах. Идет человек, движется, незаметно опускается, или быстро падает, как бы спотыкаясь... готов. Женщина присела на крылечко, будто устала или спит – уже мертва. А вот у ворот, скорчившись, подросток сидит – он застыл, его не распрямишь. Всюду дыхание смерти...

Люди проходят мимо, вздыхают, иногда плачут, знают, что их ждет то же.

Более всего обнаруживали умерших утром, когда дни стали короткими, а ночи длинными. Встанут утром, у ворот, на крыльце, у забора, на тротуаре лежат родимые кто где: мужчины, женщины и дети.

Трупы собирали, иногда не успевали, свозили на кладбище, рыли общие могилы – большие ямы, складывали в них трупы тесно, чтобы больше поместить. Полагалось сверху закапывать на 1½ м, не соблюдали, едва прикрывали на ½ м – 75 с[антиметров], лишь бы прибрать.

Умирали не только от голода, с сентября, с началом похолодания, началась эпидемия

тифов, главный – сыпной, так называемый голодный, был он с сыпью и в сильной форме пятнистым, много людей сгубил. Случался и брюшной, но самым большим злом был возвратный, названный в народе головным, начнет поправляться больной, температура спадет, вдруг через короткое время второй приступ, мог быть и третий, почему и называли его возвратным. Умирали, покойницкую не успевали освобождать, иногда сносили их и складывали около.

Были случаи самоубийств, единичные и групповые. В татарском поселке¹⁸ угаром отравилась семья: дед, отец с матерью, трое детей. Решили, чем мучиться, лучше умереть. Хозяйка предупредила соседку, чтобы она утром обязательно пришла к ним.

С вечера истопили печь вязовыми дровами, закрыли, пораньше легли.

Соседка пришла, стучать не пришлось, ни ворота, ни сенцы, ни дверь в избу – все открыто! Вошла, чуть не упала, старший мальчик подполз близко к двери, должно быть, хотел открыть – сил не хватило. Дед на полу, упал с печи, остальные готовы, скончались. Похоронили как всех, свезли на возу.

Самоубийств достаточное количество, травились неумело, уксусной эссенцией, настоем спичек, мышьяком, умирали не сразу, страдали, мучились, в конце концов уходили из жизни.

Было ли людоедство?

Да, было, как исключение, как явление из ряда выходящее, но было. В XX в. людоедство! В привокзальном поселке обнаружили случай засола детского трупа родителями. Соседи начали сомневаться, умирает второе дитя, а похорон нет, заявили. Когда пришли с обыском, они сознались.

В городе никаких слухов, разговоров, сплетен на эту тему не было – ничего!

В уезде иное дело, были исключительные случаи¹⁹, когда ели детские трупы, называли села Вознесенку, Шабаловку, Выселки и т.д.

Вспоминая минувшее, удивлялись, как остались живы? Но оставшихся было значи-

тельно меньше, чем погибших. Из больших крестьянских семей в 12-15 ч[еловек] остались лишь дети, попавшие в д/дома, реже один-два человека. Пережившие голодный год считали жизнь чудом, случайным.

В.К. Воронов рассказывает, как он был на волосок от смерти:

– Не ел я уже с неделю, сил нет, пришел в пустой свой дом, лег, решил больше не вставать – умереть... Входит регент, говорит, чтобы забирал скрипку и ехал в Колтубанку²⁰, квакеры организуют оркестр, нужна скрипка. Через силу встал, оделся, забрал скрипку и с первым отходящим в Самару поездом уехал. Приехал в Колтубанку одним из первых, стоять не могу, голова кружится, сказал, что ослаб. Меня проводили в столовую, подкрепили. Знали, сколько дать, попросили явиться через три часа. Пришел, еще поел. Вечером мы играли. Потом поступил в оркестр, получал паек – чудом жив остался, а в семье померли от голода, кроме меня, все, из 6 ч[еловек] остался я один.

Мы остались благодаря поддержке родных, каждый месяц присылали нам установленную норму – ящик толченых сухарей из Семипалатинска, 8 кг, протянули, живы остались.

Несмотря на голод, работа в учреждениях и общественных организациях не прекращалась, административный аппарат города и уезда работал бесперебойно.

Когда тифозных и других хоронили из квартир, вещи их забирали, которые дезинфицировали, похуже свозили на свалку в указанные места за Домашку и на пустошь Суходола²¹. Образовались в местах свалки горы тряпья, растаскивать его не разрешали. Но народ нуждающийся, пол помыть, и то тряпки нужны. Тащили. Поздно вечером, ранним утром копались, кое-что выбирали из брошенного и присваивали.

Позавидовали монашки²². Жили они в чистоте, от всяких зараз оберегались, а вот тут бес смутил, решили набрать тряпок. Пришли к Суходолу, быстро определились, что взять. Только накануне привезли вещи на свалку, они провериться не успели. Навьючили узлы, благополучно возвратились.

На следующий день стирали, мыли, сушили. Досталось им приличное стеганое одеяло, очень испачканное. Отмыли. Но... заболели холерой. Истощенные, болели недолго, скончались. Принесенное одеяло, чистое, забрали вторично.

Когда узнали, что барахло растаскивается, сожгли его.

В 20-х годах в помещении бывшей Земской управы (где теперь с/х управление) открыли краеведческий музей. Среди экспонатов была витрина 1921 года: лежали травяные лепешки, кусочки хлеба пополам с травой и мякиной, кусочки овсяного хлеба, ячменного с лузгой, толченые ракушки, стенки ракушек без содержимого, которое в сваренном и жареном виде использовали на питание; мука из липового цвета, мука из желудей, мука из лебеды и прочие суррогаты.

Фотографии улиц города, сел, комнат и детей д/домов, процесс своза умерших, их погружение на подводы и захоронение.

Таблицы статистических данных взрослого населения, детей, д/домов и прочие. Интересные, содержательные экспонаты и данные. В музее работала Анна Вас. Денисова, Н.Я. Алексеев и многие, большинство в порядке общественной работы.

Музей закрылся, экспонаты исчезли. Жаль. Они многое иллюстрировали из того, что было тогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На фронте голода. Издание Самарской губернской комиссии помощи голодающим. Самара, 1922. С. 96, 97.

² Там же. С. 106.

³ Время и люди: Энциклопедический сборник материалов о Бузулукском уезде, городе Бузулуке, Бузулукском районе / Гл. ред. А.Д. Потемкин; ред. А.И. Завражнов и др. Оренбург, 2006. С. 58.

⁴ См. об этом подробнее: *Аншакова Ю.Ю.* Голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 3. С. 80-85.

⁵ Государственный архив Оренбургской области, филиал в г. Бузулуке (далее – ГАОО, г. Бузулук). Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶ *Жемчужникова Е.А.* Люди и годы. Бузулук, 2013.

- ⁷ См. также: *Кирдяшев М.С.* Голод начала 1920-х годов в Бузулукском уезде Самарской губернии в воспоминаниях очевидцев // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей междунаrodn. науч.-практ. конф. Оренбург, 2020. Т. 1. С. 216-219.
- ⁸ ГАОО, г. Бузулук. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 22. Л.30-46об.
- ⁹ Черный паслен.
- ¹⁰ Боярышник.
- ¹¹ В настоящее время – село в составе Сорочинского городского округа Оренбургской области, примерно в 115 км по железной дороге от Бузулука.
- ¹² В описываемый период являлся центром Семипалатинской губернии.
- ¹³ Кинель – узловая железнодорожная станция Самаро-Златоустовской железной дороги, участок Самара - Оренбург.
- ¹⁴ Фамилия Барченко встречается 2 раза, оба раза вписана автором карандашом поверх основного текста.
- ¹⁵ Ротонда – верхняя женская одежда, накидка без рукавов, длиной примерно до талии.
- ¹⁶ Александр Иванович Введенский (1889-1946) – российский, затем советский религиозный деятель, один из лидеров и идеологов обновленчества.
- ¹⁷ Отчасти схожие впечатления от выступлений о. Введенского содержатся в воспоминаниях баронессы М.Д. Врангель за 1920-1922 гг.: «Он пользуется громадной популярностью, за ним ходят толпы народа. Приезд его для служения в какую-нибудь церковь производит сенсацию. Из него уже сделали фетиш... Так как

собеседования, устраиваемые им по разным частным учреждениям, собирали такое скопление народа, что залы не могли вместить, и вокруг здания были большие сборища толпы, рвавшей его послушать, то власти запретили ему собеседования. Он перенес их в церковь. Все его речи чужды всякой политики, мне случалось присутствовать на двух из бесед... Я вынесла глубокое впечатление, громадная эрудиция, глубокая вера и искренность. Проповеди его совсем своеобразные. Много тепла, сердечности, дружелюбности, я бы сказала: под впечатлением от его слов, – озлобление смягчается. Чувствуется его духовная связь с паствой. Богослужение его – экстаз. Он весь горит и все время приковывает внимание, наэлектризовывает вас» (*Врангель М.Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. С. 212).

¹⁸ Скорее всего, подразумевается один из небольших городских районов.

¹⁹ Точное количество случаев людоедства установить невозможно, но, к примеру, начальнику Бузулукской милиции сообщали о примерно 20 случаях в одной лишь волости на момент начала 1922 г. и отмечали, что в целом количество подобных преступлений неуклонно растет. (Книга о голоде. Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Самара, 1922. С. 128).

²⁰ Село примерно в 23 км от Бузулука.

²¹ Домашка и Суходол – небольшие речки, протекают через Бузулук.

²² Вероятно, имеются в виду монахини Свято-Тихвинского Богородицкого женского монастыря в Бузулуке.

«MY SOUL IS IN PAIN AND WOUNDED» EVERYDAY LIFE IN THE TOWN OF BUZULUK, SAMARA PROVINCE, IN 1921-1922 IN THE MEMOIRS OF A LOCAL TEACHER

© 2021 Yu.Yu. Anshakova¹, M.S. Kirdyashev²

¹ Samara Federal Research Center of the RAS

² Moscow City University, Samara Branch

The publication presents an extract from the memoirs of Elizaveta Zhemchuzhnikova, a teacher in the small town of Buzuluk in Samara province, dedicated to the famine of 1921-1922. The author vividly portrays the horrors and miseries of everyday life during that tragic time and shows some strategies that helped her and other locals to survive.

Keywords: Samara province, Buzuluk, famine of 1921-1922, memoirs, E. Zhemchuzhnikova.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-82-91

Yulia Anshakova, Candidate of History, Associate Professor, Senior Research Fellow, History and Archaeology Department.

E-mail: anshakova@yandex.ru

Maxim Kirdyashev, Graduate Student, Department of History, International Law and Regional Studies.

E-mail: kirdyashevms@mgpu.ru